

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ РУССКИХ, ПРОЖИВАЮЩИХ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ*

Описываются достигнутые результаты работы по созданию региональной ассоциативной базы данных (в дальнейшем: СИБАС), полученной в массовом ассоциативном эксперименте (2007–2012) со студентами в вузах Сибири и Дальнего Востока. Работа проводится в рамках инициированного Институтом языкознания РАН общероссийского проекта, нацеленного на создание нового русского ассоциативного словаря. Рассматриваются возможности использования этого материала для междисциплинарного исследования динамики этнокультурных (ценностных) доминант молодых россиян в постсоветский период. Полученные в эксперименте данные свидетельствуют о сохранении устойчивости (по отношению к соответствующим общероссийским показателями прошлого века) ассоциативных доминант, составляющих ядро языкового сознания молодых носителей русского языка, проживающих в азиатских регионах России.

Ключевые слова: вербальные ассоциации и ценностные доминанты русских, проживающих в азиатской части России, новая региональная ассоциативная база данных (СИБАС), устойчивость ядра языкового сознания русских в регионах Сибири и Дальнего Востока, эмпирическая база для междисциплинарных исследований.

Естественно-научные дисциплины, в особенности в той части, где им приходится иметь дело с жесткими техническими системами, стремятся исключить субъективный фактор или, если другого пути нет, свести к минимуму его воздействие. Гуманитарные же науки, как науки о культуре, напротив, имеют дело с семиотическими знаковыми системами, создаваемыми человеком, поэтому субъективный фактор заложен в самом объекте гуманитарных исследований и не может быть устранен. Таким образом, гуманитариям приходится все время преодолевать сопротивление исследуемого материала, а также предусматривать допущения, вызванные абберациями субъективности при сборе и анализе эмпирического материала. Особенно сильно влияние субъективного фактора в исследовании сознания человека, в частности этнического сознания,

требующего учета ценностных параметров бытия. Язык, будучи средством выведения вовне нашего сознания, превращаясь в речь, не может не отразить изменений в сознании его носителей. Однако вопрос о том, как именно измерить и описать эти изменения и в какой мере они затрагивают собственно языковые структуры и субстанцию языка, остается дискуссионным и нуждается в разработке.

Проведенные в России за последние десятилетия экономические и политические реформы привели к существенному изменению образа жизни ее граждан. Налицо становление нового, «сытого» общества, достигшего осязаемого прогресса в уровне потребления во временных рамках жизни одного поколения. Однако платой за такое благополучие является не только утрата уверенности в будущем у значительной час-

* В статье приводятся результаты работы по проекту, выполненному при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12059в «Информационная исследовательская база современного русского языка по материалам массового ассоциативного эксперимента»).

ти населения бывшего СССР, не только новое имущественное расслоение общества при создании новых номенклатурно-бюрократических и клановых структур, но и все явственнее проявляющие себя последствия снижения требовательности российского общества к нравственно-этическим ориентирам своих членов. Это последнее явление, полагаем, можно рассматривать как своего рода *нравственный кризис*. Признаки нравственной деградации наблюдаются не только в России, исторически такие явления с определенной периодичностью фиксируются у разных народов. Не пойдет ли дальнейшее развитие этих деструктивных процессов по такому сценарию, что будет угрожать благополучию человека как вида? В идеале глобальное разрушительное воздействие человеческой цивилизации на среду обитания нуждается в серьезных усилиях, направленных на совместную продуктивную деятельность больших суперэтнических сообществ, освоивших необходимые для такой деятельности ресурсы. Между тем при современном развитии техносферы «демонтаж» нравственных ориентиров даже в локальном формате может привести к техногенным катастрофам геологического масштаба, т. е. к необратимым изменениям на всей планете. Выраженная нравственная деградация, там, где она имеет место, разрушает культуру и угрожает самому существованию науки как виду разумно-созидательной деятельности человека.

Может ли современная наука остановить нравственную деградацию (а попросту: одичание) общества, или такая задача не имеет решения в сфере научных изысканий? Здесь мы вступаем в междисциплинарное дискуссионное поле, связанное с очень чувствительными для личности любого человека (в том числе и ученого), а потому и затрагивающими сферу его творчества мировоззренческими (ценностными) установками. В течение XX в. эти проблемы осознавались постепенно и трудно, а сама рефлексия по этому поводу тех ученых, которым удавалось выжить в катаклизмах века, питалась обильными фактами исторического времени окружающей социальной жизни. Так, еще в начале прошлого века В. И. Вернадский, развивая учение о ноосфере, усматривал в науке новую, аналогичную по своим масштабам геологической, силу: «Хотя человек, *Homo sapiens*, есть [геологически] поверх-

ностное явление в одной из оболочек земной коры – в биосфере, но новый геологический фактор, вносимый его появлением в историю планеты, – разум – так велик по своим последствиям и их возможностям, что, мне кажется, можно не возражать против внесения этого фактора для геологических подразделений наряду со стратиграфическими и тектоническими. Масштаб изменений сравним» [2002. С. 292]. И далее о роли человеческого разума (сознания) и науки: «Без образования мозга человека не было бы его научной мысли в биосфере, а без научной мысли не было бы геологического эффекта – *перестройки* биосферы человечеством» [Там же. С. 294]. Подчеркивая *направленность* эволюционного процесса планетарного значения, приведшего к появлению в геологическом времени *мыслящего существа* (живущего в своем историческом времени и пространстве), В. И. Вернадский был очень *оптимистичен* в своих прогнозах *относительно будущего* человеческой цивилизации. Его оптимизм основывался (среди прочего) на *глобальности* охвата человеком биосферы для жизни, на уверенности в неизбежно нарастающей *мобильности* человека и *проникновении научного знания во все человечество*, а стало быть, и на неуклонное возрастание его *организующе-преобразующей способности* в биосфере.

Сегодня, когда предчувствия мыслителей начала прошлого века во многом материализовались и человечество совершило небывалый в своей истории информационно-технологический скачок, когда оно не только осваивает и перекраивает биосферу, но и реализует планы по переустройству Солнечной системы, не все исследователи разделяют оптимизм В. И. Вернадского. А средства массовой информации взахлеб навязывают бытовому сознанию потребителя всяческие страхи и мистические ужасы, в очередной раз проигрываются мотивы беспольности науки и разочарования в ней, как и в породившем ее прогрессе. Все это побуждает и оптимиста к постановке вопроса о необходимости понять, как именно работает разум человека глобального (и родового) на жизнеутверждение, как именно преодолевает он постоянные откаты в развитии и *нравственные тупики в социальной жизни*.

Одно из наиболее близких к истине, основанных на огромном фактическом исто-

рико-культурном материале объяснений было предложено Л. Н. Гумилевым [1994а] в его теории этногенеза. Ученый не исключает нравственные вопросы из рассмотрения в анализе этногенеза, напротив, он отводит им определенное место в пассионарном напряжении этнической системы и таким образом призывает исследователей учитывать «субъективный» фактор как одну из сил, позволяющих этносу творить свою историю. Л. Н. Гумилев выявляет общие закономерности этногенеза, приводящие среди прочего и к развитию больших *суперэтнических систем* (как, например, *российский суперэтнос*). *Смена различных фаз этнической жизни* рассматривается им как *творческий процесс*, эффект пассионарности. Однако, как и большинство фундаментальных исследований, эта теория при всем оптимизме ее гениального автора не может рассматриваться как набор конкретных рецептов поведения на изломе социокультурных процессов в условиях социальной энтропии. Жизненное творчество не знает шаблона. Жизнь не по шаблону требует от человека развитой способности трансформировать свое сознание, преобразовывать его. Между тем современный человек *цивилизованный* (в гумилевском смысле) буквально поедает планету. Он мало похож в массе своей на востребованного планетой нового героя – человека, преобразующего себя и свое сознание, а поэтому способного контролировать свою деятельность планетарного масштаба. Таким образом, вопросы, которые ставит перед нами образ жизни «цивилизованных» суперэтносов, уже вышли за рамки чистой философии и перешли в область практической деятельности.

При возникновении нравственного кризиса демонтируются природные (естественные) культурные барьеры, которые сдерживали саморазрушение, позволяя различным этническим сообществам людей устойчиво противостоять энтропийным процессам на каком-то этапе своей исторической жизни. История знает много примеров, когда мощь и сила империй направлялись не столько на созидание, сколько на полное подавление личности и даже человеконенавистнические цели (как в гитлеровской Германии). *Готово ли современное, прошедшее в своей истории через кровавые испытания прошлого века и разделенное на этнокультурные сообщества человечество приносить жертвы*

на алтарь глобальной нравственности? И в чем смысл противоречия глобального и этнического в жизни биосферы? Эти вопросы не могут не волновать исследователей в больших странах, владеющих большими природными ресурсами и способными в силу этого строить сценарии будущего человечества.

Вдумчивому современному наблюдателю доступны результаты европейской глобализации в разном этнокультурном исполнении. Каков потенциал русского космизма (глобализма)? Сегодня он ломает свою культуру, которая, будучи природным адаптационным регулятором в этнической системе, испытывает глубинные потрясения при столь многообразных межкультурных контактах и теоретически может не выдержать напряжения, что очевидно грозит небывалыми масштабами одичания. Русские, в недавнем прошлом знавшие иные, казавшиеся более «справедливыми», глобальные же общественные установки в организации своей этнической жизни, вдруг погрузились в «рыночное общество» с официально декларированным частнособственническим регулятором всех явлений, включая опредмеченную под рыночные задачи «нравственность». В порождаемых нашим обществом в последние двадцать лет текстах все чаще высказываются опасения, что такой рынок из «кормильца» неминуемо грозит превратить нас в пауков в банке, дерущихся на фоне невидимой их паучьему восприятию «внешней» вселенской катастрофы. Потребление в сытом обществе легко трансформируется из фактора выживания в фактор саморазрушения, при этом потребность человека в общении эксплуатируется в процессе манипуляции сознанием и порождения псевдопотребностей ради наращивания и без того раздутых масштабов потребления. Можно ли направить энергию потребителя в нравственно приемлемое русло? В наши дни нередко наблюдается и в чем-то обратная ситуация, когда основные материальные потребности молодого человека «предусмотрительно» полностью «удовлетворены» еще до того, как он смог осознать их наличие. Это особенно характерно для молодых людей, которые, благодаря влиянию своего клана, не приложив никаких усилий, получили «все» в свое распоряжение: прекрасные квартиры, машины, карьерные возможности, кроме главного – воли к жизни и

мотивации к деятельности. Само наличие таких явлений характерно для любого общества в той или иной мере, но когда они нарастают до такой степени, что начинают диктовать обществу свои правила жизни, навязывая соответствующие «стереотипы толпы» нашему сознанию, можно говорить о нравственном кризисе.

Если проанализировать семиотику проявления нравственно маркированных смыслов в порождаемых современниками-россиянами доступных для массового восприятия текстах, то можно прийти к следующему выводу. Основные изменения в образе мира русских последних десятилетий касаются, прежде всего, *мотивационно-потребностной части их деятельности*, отразившейся на всех видах этносоциальных взаимодействий бывших советских людей и молодых россиян. Эти изменения фиксируются на уровне рефлексии и анализа текстов СМИ и поддаются описанию в терминах этнокультурных доминант (в настоящее время – *торгово-потребительского плана*) [Шапошникова, 2010]. Основные опасения интеллектуальной элиты общества при установлении этих ценностных доминант связаны с культурно-нравственной деградацией общества потребления, которая обнаруживает тенденцию к росту, особенно в крупных городах, где она имеет многообразные проявления.

Чтобы противостоять нравственной деградации современного общества, нужно понимать ее *природу и смысл*. Действительно, современное общество, в массе своей утратившее религиозные ориентиры, добившееся небывалого в прежние времена уровня потребления накопленных предыдущими поколениями природных и культурных богатств, склонно рассматривать «нравственные ценности» как предмет торга и потребления. Но так ли уж неизбежен перевод всех видов общественной деятельности в рыночный формат? Вместе с тем очевидно, что *нравственный кризис – это явление, необходимое для творческого начала, явление, самим своим существованием провоцирующее перемены, дающее возможность обществу преобразовать себя, изменить себя при осознании им всей разрушительной силы кризисного состояния*.

Тяготы потрясений этногенетического масштаба, как те, через которые проходит современная Россия, усугубляются неизбежным для переходных состояний этно-

культурной среды *кризисом идентичности*. Этот последний имеет как *личностную*, так и *этническую* подоплеку. Общество ищет новые пути, поэтому активизируется рефлексия людей вокруг чувствительных мировоззренческих и всего комплекса организующих жизнь в новых формах вопросов и проблем. Эти процессы необходимы для поиска тех смыслов, которые позволяют людям по-новому оценить свои возможности и включиться в социальную деятельность, необходимую для поддержания и развития жизни в изменяющихся условиях. Такого рода поиск характерен и для сферы научной деятельности, особенно остро он проявляется в гуманитарной среде, где субъективный фактор неустраним по природе вещей. В последние десятилетия в России стали популярны *массовые* попытки (в форме шаблонизированного концептуального анализа разного рода структур знаний, ментефатов) через рефлексии «препарировать» нравственные ориентиры (ценности), описывая их структуру и смыслы. Такого рода анализ неизбежно приводит к *десакрализации культурно значимых понятий, придавая им статус манипулируемого объекта*, и уже этим самым может таить в себе некоторую опасность. Позитивная сторона увлечения исследователей ценностными структурами заключается в том, что в процессе такого анализа человек присваивает (интериоризирует) и трансформирует смыслы, включая их в свою когнитивную систему опыта. Таким образом, рефлексия неизбежна в *эпоху пересмотра ценностных ориентиров*, а в России она уже развернулась достаточно широко и в Интернете, и на страницах газет и журналов, и в близкой к науке научно-образовательной среде. *Рефлексия свойственна разуму человека творящего* и позволяет ему *оценить и откорректировать* свою деятельность, а появление новых технических достижений создает дополнительные мотивы и средства для активизации этих процессов. На чем базируется рефлексия филолога?

Объектом филологии традиционно были и остаются тексты, т. е. субъективные семиотические продукты, выражающие состояние сознания их авторов, в лучшем случае способных впитать в себя и выразить в своем тексте боль эпохи. Так может ли современная филологическая наука и в частности лингвистика достоверно исследовать

процессы, связанные с динамикой ценностных доминант и этнических эпох? Если да, то каким инструментарием она обладает и чем может филолог ответить на брошенный ему Л. Н. Гумилевым в прошлом веке вызов? ¹ Сам Лев Николаевич усматривал возможности повышения объяснительной силы исторических и этнологических теорий в синтезе различных методик работы с объектом (иначе говоря, цель у всех исследователей одна – познание объекта, истины о нем), в междисциплинарности подходов, которые он применял сам в своих трудах. Действительно, именно общность объекта способна объединить усилия разных наук и методик в его познании, этот мотив определил направление усилий очень многих ученых второй половины прошлого века ². В современной лингвистике особой актуальностью для поиска ответов на поставленные выше вопросы отличаются *когнитивные и психолингвистические* (междисциплинарные по природе своей) подходы.

За последние десятилетия, на фоне обострившихся, а потому оттягивающих на себя энергию и внимание исследователей, кризисных явлений самоидентификации некоторое развитие получили конкретные междисциплинарные методики в рассмотрении нравственно-этических (ценностных) установок людей. Одним из признанных и, насколько я могу судить, апробированных психолингвистами в разных этнокультурных средах способов сбора эмпирического материала, необходимого для таких исследований, стал *массовый ассоциативный эксперимент* (наиболее массивные данные были получены и представлены, например, в ассоциативных словарях английского, русского, французского и др. языков). Массовый ассоциативный эксперимент – очень трудоемкий и в силу этого трудно реализуемый способ сбора информации, однако современные информационно-технологические возможности позволяют добиться гораздо более значимых результатов эмпири-

ческой работы в относительно короткие сроки, чем во времена первопроходцев в данной сфере.

Лингвисту, в особенности работающему с иностранными языками, представляется очевидным данный ему в опыте и общении факт о том, что различные языки суть различные семиотические системы, в каждой из которых в той или иной мере отражена системность культуры носителей этого языка. Если один язык обслуживает разные этнокультурные сообщества, то он подвержен вариативности в определенном диапазоне, которая зависит в очень существенной степени от специфики этнокультурного опыта каждого рассматриваемого сообщества. Выражающаяся таким образом в общности смыслов (и уже: ценностных доминант) ментальная реальность входит в содержание образа мира носителей определенной культуры и становится доступной лингвисту через обращение к вербальному наследию (текстам) этой культуры. Тексты (порожденные в разных типах дискурса) могут целенаправленно подбираться исследователем под свою задачу, в этом случае он познает, *что* представители культуры *говорят* о себе и о тех, кого они позиционируют как других (чужих). Вторым источником «текстового» материала служит полученная в массовом ассоциативном эксперименте ассоциативно-вербальная сеть (АВС): в ней фиксируются «следы» текстов, которые проходили через сознание «усредненного носителя языка» ³, независимо от того, отмечают их присутствие в своем сознании испытуемые или нет.

АВС представляет собой вербально-знаковое отражение образа мира человека, отличающаяся устойчивостью и изменчивостью в определенных пределах, соотносимых с динамикой изменения самого образа мира. В силу семиотической природы данных объектов следует предположить наличие общих закономерностей в динамике образа мира и АВС человека. Теоретически при смене фаз этнической жизни, появлении признаков нравственного одичания и кризиса самоидентификации, могут наступить изменения в образе мира носителя языка, которые отразятся и в АВС. В этих условиях

¹ См. его книгу «В поисках вымышленного царства» [Гумилев, 1994б], в особенности первую часть «Трилистник письменного стола» и последнюю «Трилистник мысленна древа», где он полемизирует с филологом и занимается «преодолением филологии».

² См. критический обзор методологии гуманитарных наук, в особенности «центрирования на средствах как противоположности центрирования на целях» у А. Маслоу [2009].

³ Именно такой «усредненный носитель языка» представлен в упоминавшихся здесь ассоциативных словарях, а также в нашей региональной ассоциативной базе русского языка.

вопрос зависимости содержания и количественных параметров вербальных ассоциаций от времени, характера и общей продолжительности воздействия становится актуальным. Предметом для такого рода анализа в ассоциативных базах данных должны стать ассоциативные статьи (прямые и обратные) слов, имеющих отношение к самоидентификации, тех слов, с помощью которых человек описывает свою **я-концепцию**, произрастающую из ощущения самости (**я-чувства**). Термины *я-концепция* и *я-чувство* принимаются нами в трактовке А. Г. Данилина [2009. С. 239–246]. Стимулы такого рода хорошо представлены в общем списке слов-стимулов, которые по согласованию с составителями списка в Институте языкознания РАН предъявлялись нашим испытуемым в ходе свободного массового ассоциативного эксперимента. К имеющим непосредственное отношение к самоидентификации и формированию **Я-концепции** стимулам можно отнести: *я, народ, русский, советский, мы, наш, чужой, свой, семья* и мн. др.

Полученная в массовом ассоциативном эксперименте ассоциативно-вербальная сеть фиксирует состояние готовности к предикции, т. е. включенности в диалог с миром, в широком смысле слова (о предикации в узком и широком смыслах применительно к АВС см.: [Караулов, 1999]). Эта готовность преобразовать язык в речь, вывести содержание сознания вовне, и представляет собой, как можно заключить из комментариев авторов психолингвистических теорий, модель *текущего состояния* языкового сознания русских. Вместе с тем исследования психофизиологических и когнитивных процессов организации речезыкового механизма человека, а также исследования АВС русских на основе базы данных РАС [1994–1998] (90-е гг. прошлого века) выявили так называемое «ядро языкового сознания русских»⁴ и позволили ученым вести речь о системности, структурированности и до-

⁴ В работах психолингвистов обсуждается соотношение понятий «образ мира», «языковое сознание», «ядро языкового сознания» и некоторых других, необходимых для описания исследуемых сложных объектов, см. в особенности: [Уфимцева, Тарасов, 2009]; о модели речезыкового механизма, о психофизиологических и когнитивных процессах, «вырабатывающих» вербальную сеть, а также об истории изучения вопроса см.: [Ушакова, 2007].

вольно высоком пороге стабильности языкового сознания русских (см.: [Уфимцева, 2002] и более поздние ее работы на эту тему, а также монографию 2011 г.).

Выше уже говорилось о том, что этнокультурные процессы в российском обществе последних десятилетий оказались очень динамичными, поэтому следует предположить и наличие соответствующих изменений в АВС. Из желания проверить обоснованность данной гипотезы и выросли проекты создания региональных ассоциативных баз данных. К тому же региональная специфика ассоциативных баз ранее составлявшихся словарей не очевидна.

В данной статье представлены материалы СИБАС⁵, которая создается на основе массового ассоциативного эксперимента, проведенного в вузах Сибири и Дальнего Востока в период с 2008 по 2011 г.⁶ Небольшая часть анкет после отбраковки была заменена новыми анкетами в проведенном для этой цели дополнительном эксперименте 2012 г.

Основной эксперимент проводился в наиболее крупных городах азиатской части России: Новосибирске, Омске, Красноярске, Томске и Северске, Новокузнецке, Барнауле, Кемерово, Владивостоке, Хабаровске, Чите и Иркутске. Экспериментальные материалы направлялись в каждый регион с учетом демографических особенностей на местах (общее количество проживающих и доля студентов). В качестве испытуемых выступали студенты различных специальностей преимущественно в следующих возрастных категориях: основная масса от 17 до 19 лет; значительная доля испытуемых (от одной

⁵ СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (сост. А. А. Романенко, И. В. Шапошникова).

⁶ Экспериментальные данные аккумулировались и обрабатывались на базе Новосибирского государственного университета с участием рабочих групп на местах (в крупнейших городах Сибири и Дальнего Востока). Сама идея создания нового русского ассоциативного словаря реализуется в азиатской части страны по инициативе сектора психолингвистики Института языкознания РАН, где для восточных регионов страны было подготовлено 5 000 анкет по сто стимулов в каждой (список стимулов для этого этапа составил 1 000 единиц). Общая и компьютерная обработка данных для создания СИБАС проводится нами в НГУ при технической поддержке канд. техн. наук А. А. Романенко. Информацию обо всех участниках проекта в регионах можно найти на рабочем сайте СИБАС (<http://adictu.nsu.ru>).

шестой до одной четверти в разных регионах) в возрасте от 20 до 22 и небольшое количество от 23 до 25 лет. Единичные случаи – в возрасте 16 лет или старше 25. В настоящей статье используется уже обработанная часть анкетных данных из Томска, Северска, Омска, Хабаровска, Читы, Иркутска, Владивостока, Красноярска, Новосибирска и Новокузнецка, а также частично из Кемерово и Барнаула. По состоянию дел на октябрь 2012 г. уже обработано и введено в базу свыше 92 % анкетных данных. Применительно к рассматриваемым в настоящей статье параметрам оставшиеся необработанными данные уже не смогут внести сколько-нибудь существенных изменений.

Прямой и обратный словарь по уже обработанной части базы также доступен, хотя и в *ограниченном формате* (поскольку тексты ассоциативных статей нуждаются в редакции) на рабочем сайте СИБАС.

Рассмотрим общую структуру ассоциативно-вербальных доминант по имеющимся в нашей базе данным. При текущем анализе данных обратного словаря СИБАС выявляются следующие ассоциативные доминанты (*по общему количеству реакций* выделены жирным шрифтом словами см. список в левой колонке ниже, *по общему количеству стимулов*, вызвавших реакции словами, которые выделены жирным шрифтом, см. список в колонке справа).

Абсолютный лидер ЧЕЛОВЕК (8 415)	Абсолютные лидеры ЧЕЛОВЕК (438), ДОМ (316)
Далее с большим отрывом	Далее с небольшим отрывом
ДЕНЬГИ (3331) ДОМ (2149) ДРУГ (1932) ДЕНЬ (1420) МИР (1335) ДОМОЙ (1229) ЖИЗНЬ (1208) ПЛОХО (1181) ВРЕМЯ (1094) ХОРОШО (1055) ЯЗЫК (989) БОЛЬШОЙ (960) ВОДА (881) ЛЮБОВЬ (876) ДЕЛО (844) ЕДА (828) ВОПРОС (798) Я (763) ОТДЫХ (763)	ЖИЗНЬ (311) ДЕНЬГИ (249) ХОРОШО (242) ПЛОХО (241) ДРУГ (227) МИР (211) Я (208) НЕТ (194) РАБОТА (181) ВРЕМЯ (179) ЛЮБОВЬ (174) СИЛА (170) РАДОСТЬ (166) МУЖЧИНА (162)

Ср. приведенные здесь списки с данными годичной давности на ноябрь 2011 г., когда было обработано около 50 % анкет:

Абсолютный лидер ЧЕЛОВЕК (4 869)	Абсолютные лидеры ЧЕЛОВЕК, ДОМ (251)
Далее с большим отрывом	Далее с небольшим отрывом
ДЕНЬГИ (1939) ДОМ (1238) ДРУГ (1067) ДЕНЬ (806)	ЖИЗНЬ (242) ДЕНЬГИ (209) ХОРОШО (180) ПЛОХО (178)

МИР (704)
ДОМОЙ (698)
ЖИЗНЬ (690)
ПЛОХО (671)
ХОРОШО (603)
ВРЕМЯ (566)
ЯЗЫК (563)
БОЛЬШОЙ (555)
ЛЮБОВЬ (502)
СИЛА (118)
МУЖЧИНА (116)
ЧЕЛОВЕКА (115)
БОЛЬШОЙ (113)
ЗЛО (112)
ЖИЗНИ (110)
ПРЕДМЕТ (103)
РЕБЕНОК (103)
ХОРОШИЙ (103)
ГОРОД (102)
МНОГО (100)

ДРУГ (169)
Я (167)
МИР (153)
РАДОСТЬ (126)
ЛЮБОВЬ (126)
НЕТ (123)
ВРЕМЯ (121)
РАБОТА (121)
ДЕНЬ (118)

Как видим, ЧЕЛОВЕК, ДОМ, ЖИЗНЬ (см. правую колонку) уверенно лидируют на протяжении всего периода пополнения базы данных. Примечательно, что в РАС [1994–1998] эти же единицы возглавляют список составляющих *ядро языкового сознания русских в 90-е гг.*, примерно в том же частотном диапазоне определяется дистанция между ними (ср.: [Уфимцева, 2002]). Это говорит о высокой степени устойчивости ядра. Однако и здесь есть подвижки. Единица ДЕНЬГИ как по первому, так и по второму показателю (см. обе колонки выше) занимает одну из лидирующих позиций в АВС сибиряков, при этом она существенно поднимается в ранге по отношению к отмеченному в 90-е гг. порядку единиц в списке РАС.

Содержательный анализ ассоциатов, полученных в эксперименте, позволяет выносить определенные суждения не только о синтагматике и парадигматике слов и словоформ, об устойчивости их связей в языковом сознании современных русских, но и о соответствующих образах сознания испытуемых. Рассмотрим некоторые содержательные особенности ассоциативных пар: стимул (ДЕНЬГИ) – реакция; стимул – реакция (ДЕНЬГИ) в ассоциативных полях прямого и обратного словарей нашей базы.

Обращает на себя внимание обилие глагольных стимулов, вызвавших реакцию ДЕНЬГИ (данные ассоциативной статьи обратного словаря):

ДЕНЬГИ

тратить 253; платить 126; считать 114; получить 66; отнять 47; воровать 44; требовать 42; отдать 41; стоить 40; нуждаться 38; иметь 35; отобрать 34; покупать 33; давать, работать 32; купить 31; брать, терять 29; кончиться 28; найти 25; взять 22; грести, искать 20; достать, положить 19; передать 18; дать, потерять, просить 16; передавать 15; бедствовать, оставить 13; попросить 12; свистеть, сдать, снять 11; сдавать 10; возмещать, поднять 8; делать, обещать, принести 7; просеивать, снимать, утаивать, хотеть 6; помочь, прислать, сделать 4; везти, возить, есть, предоставлять 3; держать, договориться, интересоваться, помогать, поставить, принять, рисковать, спросить, ставить 2; бросать, видеть, возрождать, восстанавливать, гулять, желать, забыть, зайти, звонить, значить, подождать, поехать, получаться, появиться, приходиться, простить, сосать 1

Из общего числа реакций (3331) словом ДЕНЬГИ, свыше 35 % стимулировались глаголами (см. список выше).

Связь с самыми устойчивыми единицами ядра (по ассоциативной статье обратного словаря):

ДЕНЬГИ нет 6; радость, сила 2; дом 1

Глагольные ассоциаты со словом-стимулом **ДЕНЬГИ** в прямом словаре:

ДЕНЬГИ тратить 8; есть, не пахнут 3; зарабатывать, считать 2; брать, давай сюда, делаем мы, закончились, зарабатывать, менять, многое могут, не хватает, отдать, пахнут, покупать, получать, получить, потрачены, появились, правят миром, решают, собраны, шуршащие

ДЕНЬГИ (оппозиция по оценочным ассоциатам в прямом словаре)

зло 38	хорошо 6
на ветер, не пахнут 2	достаток, прибыль 2 доход 1
грязные, грязь 2	сила 2
бабки, бабло 2	слава 2
мусор 2	радость 2
бабулеси	благо, блаженство
бумажки	выбор
гадость	красивые
жадность	круто
зависть	многие могут, правят миром
не важны, не главное	любовь
ничто	почесть
песок	радость, радость в жизни
проблема	роскошь
проблемы	свобода
тяжело	супер
фальшивые	счастье
	хорошие
	ценность
Деньги ассоциируются с чем-то злым, грязным, несправедливым, с негативными качествами людей, в особенности с завистью и жадностью, лживостью, деньги создают проблемы и даются тяжело. Вместе с тем они вызывают к себе презрение, поскольку мы осознаем, что они не главное в жизни.	Деньги – это хорошо, так как они создают достаток в жизни, приносят ощущение силы, славы, радости, даже блаженства. Они могут принести почести, связаны со свободой, роскошью, правом выбора, приносят счастье. Деньги представляют собой ценность и приятны сами по себе как материальный объект.

Связь с самыми устойчивыми единицами ядра (по ассоциативной статье прямого словаря):

ДЕНЬГИ большие, работа, счастье, хорошо 6; время 3; жизнь, сила, радость, нет (нету) 2; любовь, дома

Любопытно, что в ассоциативных статьях **ДЕНЬГИ** в прямом и обратном словарях наблюдается (нетипичное для других единиц) большое количество *глагольных ассоциаций*⁷, что, естественно, связано с участи-

ем денег как ресурса в различных формах деятельности в современном российском обществе. Все эти глаголы дают достаточно полное представление о типичных формах деятельности, требующих участия денег. Многие из этих глаголов представляют собой единицы широкого значения и отличаются высокой употребительностью в современном русском языке при описании различных видов деятельности. Вероятно, следует отметить тенденцию: образ **ДЕНЕГ** приобретает особую значимость, выйдя в лидеры доминантного ряда.

Вместе с тем, если мы обратимся снова к списку ассоциативных доминант, то в нем можно найти подтверждение выявленным ранее социологами и психолингвистами –

⁷ О частеречных предпочтениях при ассоциировании и зависимости формы ассоциата от стимула см. подробнее: [Караулов, 2010].

исследователями ядра языкового сознания русских, доминантам к социальной интровертности, ориентации на личную жизнь в пределах своего *дома* и в кругу семьи (в нашем списке лидируют: **ДОМ**, **ЖИЗНЬ**, **ДЕНЬГИ**), а также на вынесение оценочных суждений (**ПЛОХО**, **ХОРОШО**).

Ниже приводится ассоциативная статья слова **БУДУЩИЙ** (прямой словарь). Ее содержание в самой устойчивой (частотной) части также насыщено индикаторами семейных ролей (они выделены курсивом), эти реакции безусловно лидируют в ядерной части поля (мы включаем сюда все единицы с частотой не ниже 2), за ними с большим отрывом по частоте следуют ассоциаты, называющие профессиональные статусные роли (подчеркнуты).

БУДУЩИЙ *муж* 53; год 23; *отец* 18; *ребенок* 17; *papa* 15; мир 13; специалист 11; время, президент 11; день 8; инженер, *настоящий*, *зять*, *дом*, *прошлый*, юрист 6; *грядущий*, *жизнь*, *скоро*, *сын* 5; век, врач, *завтра*, чемпион 4; *далекий*, *друг*, *машина*, *неизвестность*, *новый*, *светлый*, *следующий* 3; *возможный*, *впереди*, *гений*, *гость*, директор, министр, начальник, *неизвестный*, писатель, *план*, правитель, *проект*, профессия, ученый, учитель, *фантастика*, филолог, *человек* 2;

2009, *will*, *автомобиль*, архитектор, *без ю*, *белый*, *будущее*, *бывший*, *в*, *вид*, *в настоящем*, *водила*, *война*, *в планах*, *враг*, *часы*, *выбор*, *город*, *грядущее*, *грязь*, *далекий*, *дети*, *доход*, *еще нет*, *железо*, *жена*, *женых*, жокей, журналист, *загадывать*, *зал*, *заработок*, *зарплата*, *календарь*, *князь*, *когда-нибудь будет*, коллега, король, *космос*, *крайний*, *кто-либо*, *куплю*, *лес*, *лучший*, *любителю*, *мамы*, мастер, *мать*, мент, *месяц*, механик, милиционер, музыкант, мэр, *начинающий*, *небо*, *незнание*, *неизвестно*, *неопределенный*, *нынешний*, *ожидаемое*, *ожидание*, олигарх, *отец или мать*, офицер, *панка*, *papa*, педагог, *перемены*, *период*, *Петербург*, пилот, *планета*, *планируемый*, *поколение*, полковник, *предвкушение*, *предсказание*, *предстоящий*, премьер-министр, преподаватель, программист, прорицатель, профессионал, *прошедший*, *пустота*, *родитель*, *роман*, *свет*, *след*, *снег*, *сомнительный*, со-

трудник, студент, *судьба*, товарищ, *топь*, *футуристический*, *фьючерс*, хороший человек, *шаг*, *шанс*, экономист, *Япония* 1 (421, 162, 6, 112)

В целом, содержание статьи отражает возрастную специфику испытуемых, поскольку в ней отмечены социально-статусные роли и нацеленность на поиск заработка и организацию своей жизни в будущем. При этом в наиболее частотной части семантическая зона семейных ролей и частной семейной жизни доминирует. В сознании молодого россиянина будущее также устойчиво ассоциируется с большими временными категориями (*век*, *грядущее*, *далекий*), в нем прослеживается глобальность (*мир*), линейность, устремленность вперед (*грядущий*, *скоро*, *завтра*, *следующий*, *возможный*, *впереди* и др.), в неизвестность, и неопределенность (*неизвестность*, *неизвестный*, *фантастика*, *неопределенный*, *незнание*, *пустота* и др.) при осознании присутствия уже пройденного пути (*прошлый*, *бывший*) и связи с настоящим (*настоящий*, *в настоящем*, *нынешний*). Будущее не вызывает страха и ассоциируется со светом и новизной (*день*, *светлый*, *новый*, *лучший* и др.), оно связано с переменами к лучшему, планируемо и управляемо (*план*, *проект*, *предвкушение*, *ожидаемое*, *перемены*, *планируемый* и др.).

В частотных связях с другими единицами ядра языкового сознания можно увидеть некий синтез выявленных выше мотивов (по данным прямого словаря):

БУДУЩИЙ мир 13; время 11; день 8; дом 6; жизнь 5; друг 3 человек 2; хороший человек

Ассоциативное поле слова **МИР** содержит в себе широкое (глобальное) пространственно-временное понимание мира, а также узкое, когда мир как состояние противопоставляется войне. Попробуем выявить в устойчивой части этого поля основные противоречия (семантические оппозиции), которые создают образ мира в широком смысле по данным обратного словаря.

Базовое противоречие можно представить в следующей таблице:

Малый (внутренний) мир человека родового (этнического)	Глобальный (большой, внешний) и изменчивый мир
Наш 25; мой 21; все, детский, живой 17; воссоздавать 14; отсталый 9; люди 8; самобытный 7; мы, религиозный, свой, страна 6; безопасный, возродить, жизнь, маленький, общий, окно, особый 5; доброта, человек, богатый 4; единственный, добрый, добро 3; народ, ограниченный, ничтожный 3; власть, внутренняя, глупый, злой, известный, небольшой, обычный, победа, прошлый, совместный, справедливость, устойчивый, эгоист, я и др. 2	Весь 111; другой 84; остальной 74; жестокий 38; изменить 37; огромный 35; изменчивый 31; современный 30; хаотичный 18; внешний 16; будущий, видеть, разный 12; пространство, таинственный 11; новый, земля, красивый, хаос, хрупкий 8; чужой 7; непредсказуемый, странный 6; опасный, темный 5; большой, открывать, узнать, природа 4; жесткий, космос, международный, политический, тишина 3; абсолютный, бесформенный, вечность, океан, существовать, широкий и др. 2
В этом мире проявляется оппозиция добраго и злого , он способен <i>воссоздавать</i> себя и <i>возрождаться</i> , этот мир более <i>устойчив</i> , чем глобальный, он <i>свой</i> , <i>близкий</i> и более <i>понятен</i> и <i>предсказуем</i>	Мир глобальный характеризуется противоречивостью , в нем господствует <i>хаос</i> , но есть и <i>гармония</i> , в нем <i>человек</i> противопоставлен <i>природе</i> , этот мир <i>изменчив</i> и <i>непредсказуем</i> , в нем можно что-то <i>менять</i> , но он хрупок и может быть <i>жестоким</i> по отношению к человеку

Таким образом, космизм (глобализм) русского сознания отражен и в ассоциативно-вербальной сети. В ней фиксируется устремленность в будущее и готовность к неизвестному и новому, к переменам в большом, обновленном мире. В содержании этих образов не фиксируется депрессивности.

Рассмотрим ассоциативное поле **СЕМЬЯ**, которое представляет, как мы уже выяснили, одну из высших ценностей человека «родового» в сознании молодых русских, несмотря на формальное лидерство *денег*.

СЕМЬЯ дом 45; мама, моя, дети 21; родители, любовь 19; большая 18; дружная 16; родные 15; родня, счастье 9; тепло 8; любимая, уют 7; очаг 6; близкие, мать, святое 5; муж, родная, родственники, жизнь, папа, радость, ребенок, своя, я, ячейка 3; добро, долг, дорогое, крепкая, много, мы, наша, общество, ответственность, отец, полная, родина, родное, семь и я, семь я, сила, союз, сплоченная, три, хорошо 2

В этом поле абсолютно преобладают наименования семейных ролей, что говорит о готовности идентифицировать себя с ними, оно насыщено эмоционально-позитивными

реакциями. Периферийная часть, включающая единичные реакции, добавляет положительный колорит в эту благостную картину:

близкая, близкое, близость, близкие люди, большая и добрая, брат, важна, важнее всего, верность, веселье, вместе, время, в сборе, все, гармония, главное, гостеприимство, доброта, дом родной, родное, достоинство, друзья, единое целое, единство, есть, жена, крепость, круг, лучшая моя, любимые, любящая, люди, дети, можно, моя жизнь, навсегда, надежность, *неблагополучная*, необходимость, *не полная*, *не хочу*, огромная, одно целое, опора, основа, отдыхает, отношения, папа мама я, прекрасно, примет, пришел, Пушкиных, работа, радуга, родство, *рутина*, самые близкие, свое, сестра, собака, сок, сокровище, соц. группа, сплоченность, стол, счастливая, уважение, ужин, фамилия, фотография, фотография людей, цель, ценность и др.

Курсивом выделены ассоциаты негативного оценочного плана, они находятся на периферии поля, т. е. единичны.

В ассоциативном поле другого лидера в списке единиц, составляющих ядро языко-

вого сознания русских, ЖИЗНЬ, также преобладают позитивно-оценочные ассоциаты. Испытуемые осознают конечность (*смерть, и смерть*) и ценность жизни, ее глобальность и соотнесенность с судьбами вечного мира и ее родовое приземленное начало. Жизнь ассоциируется со светом и свободой, а также с игрой, с движением по дороге, которое может быть долгим, коротким, быстрым, сложным, тяжелым, жизнь может доставлять преимущественно счастье и радость, но может быть и несправедлива к ее обладателю. Негативные реакции выделены курсивом (здесь приводится только устойчивая часть ассоциативного поля).

ЖИЗНЬ *смерть* 45; прекрасна 30; одна 16; радость 15; счастье 12; хороша 11; долгая 10; коротка 8; свет 7; игра 6; мир, свобода, удалась, хорошо, время, движение, дорога, и *смерть*, прекрасно, судьба 4; вечна, вечность, длинная, любовь, сложная, существование, хорошая, ценность, *тяжелая* 3; быстрая, веселая, воздух, возраст, всегда, главное, *дерьмо*, долголетие, дыхание, здоровье, идет, круто, любить, молодая, *несправедлива*, праздник, путь, ребенок, смысл, счастливая, 2

Таким образом, по данным нашей новой русской региональной ассоциативной базы в «усредненном сознании» молодого человека русской культуры и носителя русского языка наблюдается противоречие между глобальностью установок на будущее и текущее устройство мира, с одной стороны, и узко семейной ориентацией личностных установок – с другой. При этом в самой устойчивой части АВС не отмечается тотальной депрессивности и негативной окраски автостереотипов молодых русских людей, в противовес тому, что можно было бы ожидать, исходя из анализа содержания ориентированных на массового потребителя информации и насыщенных разного рода «чернухой» текстов СМИ.

Так откуда берется нравственный кризис? Может быть, интеллектуальная часть общества зря бьет тревогу? Ядро языкового сознания русских проявляет поразительную устойчивость, несмотря на катаклизмы

прошедших десятилетий. Правда, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что эксперимент проводился в среде успешных молодых людей, которым удалось добиться определенной стабильности в жизни, коль скоро они смогли стать студентами. К тому же для молодого человека характерен более оптимистичный взгляд на жизнь, частично идущий от малого опыта познания жизни, а частично – от уверенности в своих силах молодого, по природе своей более приспособленного для активного расширения жизненного пространства организма. Люди более зрелого возраста в большей мере склонны к рефлексии и могли бы дать иное наполнение ассоциативных полей в эксперименте, кроме того, они пережили драму утраты СССР и обретения новой идентичности, а поэтому могли бы отобразить в своих текстах те мысли и переживания, которые недоступны неопытности молодых. Как бы то ни было, а некая устойчивость смыслов, зафиксированная в ядре языкового сознания русских в наших регионах, говорит об объединяющей роли языка на подконтрольных России евразийских пространствах.

Можно ли, опираясь на «единство АВС», в котором воплощено единство языка и культуры, предсказывать стабильное будущее для России? История знает такие примеры, когда сильные языки, «сплачивавшие» большие суперэтнические сообщества, не могли удержать распад этих цивилизаций. Поэтому, конечно, данных АВС русских недостаточно для вынесения вердикта о судьбе россиян в будущем мире. Однако данные ассоциативной базы помогут учителю, социологу, психологу и другим деятелям культуры и активным профессионалам построить свою речевую и проектную деятельность таким образом, чтобы добиться наилучшего понимания со стороны адресата. Преподавателю же ассоциативная база поможет отобрать учебные единицы с учетом их реальной речевой комбинаторики и культурной значимости, их ранга в языковом сознании россиян. В сфере межкультурной коммуникации как ни в какой иной знания «усредненного» носителя языка, зафиксированные ассоциативным словарем, будут востребованы, поскольку они самоценны как семиотический продукт культуры.

Подводя итог проведенным нами общим наблюдениям над некоторыми содержательными (смысловыми) особенностями ассоциативных полей единиц ядра языкового сознания русских, можно прийти к заключению, что в них присутствуют противоречия, которые, вероятно, следует отнести к влиянию упоминавшихся в начале статьи кризисных явлений. Эти противоречия особенно ярко проявляются в ассоциатах оценочного плана (но не в них одних) и могут быть описаны в терминах семантических оппозиций. Само наличие этих противоречий, вероятно, можно рассматривать как знак идущего пересмотра ценностных ориентиров, а первенствующая роль ДЕНЕГ в этом информационном обмене объясняется необходимостью их использования в качестве неизбежного посредника во всякой деятельности постсоветского «рыночного общества». Пересмотр же ценностей не завершен, и оценочные баталии продолжают сегодня на разных уровнях внутриэтнического обмена информационно-когнитивного характера. Само присутствие слов ХОРОШО, ПЛОХО в списке доминантных лидеров ядра языкового сознания говорит об актуализированности ценностно-ориентированных установок.

Список литературы

- Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. 576 с.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994а.
- Гумилев Л. Н.* В поисках вымышленного царства. СПб., 1994б. 383 с.
- Данилин А. Г.* Homo servus: человек зависимый. М.: Зебра Е, 2009. 576 с.
- Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 328с.
- Маслоу А.* Мотивация и личность: Пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
- Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф.* Проблемы изучения языкового сознания // Вопр. психолингвистики. 2009. Вып. 2 (10). С. 22–29.
- Уфимцева Н. В.* Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка. М.: Наука, 2002. С. 152–170.
- Уфимцева Н. В.* Языковое сознание: динамика и вариативность / Ин-т языкознания РАН. М.; Калуга, 2011. 252 с.
- Ушакова Т. Н.* Когнитивная парадигма в психолингвистике // Языковое сознание: парадигмы исследования: Сб. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 5–23.
- Шапошникова И. В.* Этнокультурные доминанты нового времени и мотивация участников исследовательской деятельности в системе иноязычного лингвистического образования // Вопр. психолингвистики. 2010. Вып. 2 (12). С. 27–47.

Список ассоциативных словарей и баз данных

Дебрэнн М., Романенко А. А. Французский ассоциативный словарь: В 2 т. / Новосибир. гос. ун-т Новосибирск, 2010. URL: [http:// dic-taverf.nsu.ru/dict](http://dic-taverf.nsu.ru/dict).

РАС – Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Т. 1–2. М., 1994–1998. URL: [http:// www.thesaurus.ru/dict/dict.php](http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php)

Русский сопоставительный ассоциативный словарь. URL: [http://www.philippovich.ru/ Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm](http://www.philippovich.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm)

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2011) (сост. А. А. Романенко, И. В. Шапошникова). URL: [http:// adictru.nsu.ru](http://adictru.nsu.ru).

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. Edinburg, 1972. URL: <http://www.eat.rl.ac.uk>

Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. The University of South Florida Word Association, Rhyme and Word Fragment Norms. University of Kansas. URL: [http://www.usf.edu/Free Association norms](http://www.usf.edu/FreeAssociationnorms).

I. V. Shaposhnikova

**NEW RUSSIAN REGIONAL DATABASE OF FREE ASSOCIATION (2008–2012)
AS AN EMPIRICAL SOURCE FOR INTERDISCIPLINARY ETHNOCULTURAL RESEARCH**

The article presents a new Russian regional database of free association (2008–2012) which has been made in Novosibirsk State University in cooperation with the department of psycholinguistics (The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences). The project aimed at widening the basis of evidence for interdisciplinary (mostly psycho- and ethnolinguistic) research on the Russian associative-verbal data. It enables us to judge about stability and changeability of the Russian associative dominants with reference to the images reflecting the value systems of young Russians. The methodology of using associative data, their informative and innovative potentials nowadays needs to be further discussed and evaluated.

Keywords: associative verbal net, presentation of a new regional database (Siberian and Far Eastern regions), an experimental approach to ethno(psycho)linguistic research, changeability of ethno-cultural dominants, stability and changeability of verbal associative nets, associations revealing a sense of ethnocultural identity and global awareness.